

УДК 168.522:82-1

МИФОПОЭТИКА КУЛЬТУРЫ: К ВОЗМОЖНОЙ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Габриелян О.А.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: gabroleg@mail.ru

В статье разрабатывается методология исследования культуры как «текста». В связи с этим предпринимается методологическое расширение – применение мифопоэтики (понимаемой в классическом смысле) для изучения такого текста. Выдвигается ряд гипотез, подтверждение которых определяется эффективностью теории – ее объяснительными, прогностическими и прикладными возможностями. Приводится взаимосогласованный понятийный аппарат с определением ключевых понятий.

Ключевые слова: культура, текст, миф, мифологема, мифопоэтика, мифопоэзис.

Чтобы построить методологию исследования конкретной культуры, используя мифопоэтический подход, мы предварительно сделаем несколько важных допущений, которые постараемся обосновать по ходу статьи. Некоторые из них уже стали общепринятыми утверждениями, другие потребуют серьезного обоснования в качестве методологических принципов нашей теории.

Философия в историческое время успешно преодолела мифологию и мифологическое сознание такими своими фундаментальными качествами как критичность и рациональность. Более того, она открыла перспективы для науки. Мифология была вытеснена на периферию интеллектуальной жизни общества. Однако удалить ее из культуры было невозможно, не только потому, что она была у истоков культурного освоения и объяснения мира человеком, но и потому, что является фундаментальным феноменом культуры.

Мы придерживаемся положения, что эта фундаментальность обусловлена тем, что мифологичность является неэлиминируемым качеством человеческого сознания. Обыденное сознание, как правило, относит мифологическое сознание к седой древности, к началам человеческой истории. В известной степени это верно. Вместе с тем мифологичность сознания свойственна современному человеку в той же степени необходимости, как и человеку любой другой эпохи, культуры и цивилизации. Индивидуальный опыт и социальная практика доказывают это вполне

очевидным образом. В любую историческую эпоху человеческое сознание обладает этим качеством. Оно не снимается другими, более поздними, иными формами общественного сознания, будь то религия, искусство, литература, философия и даже наука.

Постараемся обосновать это и дать философский анализ отмеченного качества сознания, покажем, как эта способность (мифологическое осмысление мира) позволяет человеку строить мировоззренческую модель, которой он руководствуется в своей повседневной жизнедеятельности как социальный субъект.

Принципиальность нашей исследовательской позиции заключается в том, что ни одна из более поздних форм общественного сознания не отменяет не только никакую другую, но у них нет оснований и возможности отменить данное свойство – мифологичность сознания. Мифы и мифология продолжают существовать и в современном общественном сознании, наряду с другими его формами.

Постараемся показать и обосновать, что все они содержат в себе в скрытой форме мифологию, которая и в этом смысле является фундаментальной основой всех иных форм общественного сознания.

Даже в такой рационально-рафинированной форме общественного сознания, как наука, «исторически все или почти все научные теории возникли из мифов» (К. Поппер). Более того, после их возникновения мифы не исчезают, но трансформируются таким образом, что становятся частью научной теории и науки в целом. «Поразительная живучесть мифа состоит не только в его неисчерпаемости, несводимости к выделяемым частям, но и в способности приспосабливаться к радикальным изменениям в обществе и культуре. В свою очередь, и отделившиеся от мифа научные теории продолжают черпать из своего прародителя энергию, интенциональность, аттрактивность, интуиции и даже предрассудки» [1, с. 104]. Но носителем всего этого является мифология, которая продолжает свое существование в человеческом сознании вне зависимости от того, насколько ошеломляющими являются достижения современной науки и насколько теоретически безупречной она пытается выглядеть.

Сегодня уже можно встретить обоснованные рассуждения о мифопоэзисе науки. «Проблематизация современных способов научного познания вынуждает внимательней относиться к тому пространству и к той временной ситуации, где она (проблематизация) возникает. В благополучные времена этот хронотоп выведен за границы научного знания, ненаблюдаем для методологической рефлексии классического типа. Лишь благодаря проблематизации (кризис науки) пространство перепроверки старых и формирования новых взаимоотношений (границ) научного знания с вненаучным опытом обнаруживается как языковая среда, в которую погружен и формирующийся предмет дисциплинарного знания, и коммуникативно взаимодействующая с ним методологическая рефлексия. В этой среде мы попадаем в ситуацию неопределенности и гипотетичности, что является необходимым условием ее креативной «поэтичности» — способности к производству форм упорядоченного знания из языкового «хаоса». Синергетически понимаемое событие подобного рода производства терминологически обозначается нами как «мифопоэзис научного дискурса» [2, с. 544]. Отмеченное не умаляет значимости

науки, также как не умаляет значимости философии или иных форм общественного сознания. Все они имеют свой весьма широкий, но все же ограниченный интервал успешного описания, осмысления и объяснения мира, демонстрируют эффективное практическое применение своих достижений в социуме [3, с. 24].

Миф и различные мифологемы, в основе которых лежат те или иные архетипы, у различных народов особым образом оформляются и складываются в определенные композиции, которые мы характеризуем как мифопоэтику их культуры. Причем этот процесс, однажды начавшись, продолжается до тех пор, пока народ способен продолжать создавать «сюжет» своего исторического бытия. Это не просто «текст» истории, а культуры в целом.

У этого «текста», как и у обычного текста литературного произведения, есть своя поэтика. Нас будет интересовать ее особый – мифопоэтический – аспект.

Выдвинутые положения можно рассматривать как гипотезы. Они нуждаются в философском анализе и рефлексии. Это позволит построить соответствующую исследовательскую методологию. Если она окажется рационально обоснованной, то откроет возможность научного исследования современной мифологии и мифологического сознания. А эффективность и перспективность ее применения в исследовании конкретных проблем определенной предметной области только укрепит ее статус.

Цель нашего исследования расширить сферу применения классической мифопоэтики, понимаемой как текст, на культуру. Нам представляется, что такой подход обладает эвристической и прагматической перспективой. Он позволит «читать» текст культуры, то есть осуществлять декодирование его символических форм, понимать мифопоэтическую модель мира, которая строится культурой. В этой модели в виде мифологии в архэ-типичной форме представлен мир вполне осмысленным образом в некоей целостности. Пример такого методологического расширения осуществлен автором в отношении феномена Русского мира, в издании, подготовленном к публикации в ближайшее время.

Высокая степень обобщения и идеализации в формах общественного сознания упускает особенности массового сознания современного человека вне зависимости от его социального статуса. Сознание конкретного человека фрагментировано. В нем присутствуют различные знания и фиксируется разнообразный опыт его жизнедеятельности. Непротиворечивость и целостность ему предлагает любая из отмеченных выше форм общественного сознания в виде той или иной доктрины. Но повседневная жизнедеятельность не исчерпывается ими, не может быть описана и регламентирована на уровне повседневности. Любой человек всегда «больше», чем просто верующий, ученый, художник или философ. Поэтому на индивидуальном, личностном уровне непротиворечивость и целостность достигается способностью сознания конкретного человека к построению мифов и своей личной мифологии. Она позволяет ему преодолевать собственное незнание самым простым и наименее затратным – «чудесным» образом. Наше незнание и экзистенциальный страх перед неопределенностью многомерного мира принципиально неисчерпаемы, и мы преодолеваем их также, как

и тысячи лет назад, посредством мифизирующей активности нашего сознания, этим – возможно примитивным, но эффективно работающим способом.

В «Диалектике мифа» А.Ф. Лосев дает следующее определение: «Миф – необходимейшая – прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это – подлинная имаксимально конкретная реальность» [3, с. 27]. И далее: «Миф – не идеальное понятие, и также не идея и не понятие. Это есть сама жизнь. Для мифического субъекта это есть подлинная жизнь, со всеми ее надеждами и страхами, ожиданиями и отчаянием, со всей ее реальной повседневностью и чисто личной заинтересованностью. Миф не есть бытие идеальное, но – жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность» [3, с. 29]. Мифология есть взаимодополняющая друг друга система мифов, которая всегда готова объяснить любое многообразие повседневности, ее неопределенность, открытость к вариативным сценариям будущего. Именно это качество мифа привлекало внимание Лосева. Его исследования мифа носят не частный характер, отнесены не только к философско-религиозной проблематике или какой-то конкретной исторической эпохе или культуре, например, античности. Они обоснованно претендуют на фундаментальность и универсальность.

Новые формы общественного сознания не отменяют, не преодолевают «примитивную» мифологию, как не отменяет значимость евклидовой геометрии – неевклидова или как наука не отменяет религию.

Повторимся, мы утверждаем принципиально иное видение мифологии. Не как архаического феномена, преодолеваемого более продвинутой формой общественного сознания, например, философией, или даже наукой, но как первой, фундаментальной и полноправно актуальной формой. Мы солидарны с возражением Лосева относительно того, что якобы «некоторым историческим эпохам, в особенности современной нам, совершенно несвойственно мифическое сознание, что наука побеждает миф» [6, с. 220].

Существенное отличие от общепринятого в современной философии понимания мифологии и мифологического сознания заключается в том, что наш подход обращает внимание на следующее обстоятельство. Рациональное сознание вполне успешно преодолевает мифологию и мифологическое сознание в конкретном интервале (культурном, временном, теоретическом и др.), но не в состоянии элиминировать его окончательно в силу самой природы индивидуального сознания. Именно это доказывает Лосев. Мифизирующая способность сознания – насущная потребность для человеческого существования. Именно она позволяет действовать и принимать решения на уровне повседневного бытия человека, упорядочивает и согласует между собой разнообразную информацию в целостное мировоззрение «здесь и сейчас». Наше незнание фундаментально не преодолимо ни философией, ни наукой. Это не уничтожает их роль, а только указывает на ограниченный интервал их успешности.

Для нас эти утверждения являются важной отправной точкой разрабатываемой методологии.

Если бы мы постарались строить нашу жизнедеятельность в рамках только одной из отмеченных общественных форм сознания, то обнаружили бы, что это практически невозможно. Они взаимодополнительны и даже могут быть взаимно противоречивыми. Только мифологическое осмысление мира позволяет сознанию преодолевать интерпретативную множественность и противоречивость. Иначе как объяснить феномен верующего ученого или ученого клирика? Постоянно «включенная» способность сознания мифологически обустроить мир позволяет выстраивать непротиворечивым образом всю цепочку жизнедеятельности человека: мировосприятия – мироосмысления – миропонимания – мировоззрения. Причем (повторимся) не только непротиворечиво, но и в целостном виде.

Актуальность предлагаемой методологии заключается в следующем. Во-первых, она позволяет сосредоточить внимание на теоретическом осмыслении социальных (культурных, политических) ценностей, выявить закономерности их действия. Во-вторых, определить конституирующие принципы и феномены, сформировавшиеся в «осевое время» возникновения той или иной культуры. В-третьих, открывается возможность не только их теоретического анализа, но и самоосуществления в повседневности, в частности, современной, что является лучшим подтверждением теории. И, в-четвертых, позволяет показать, как культура разворачивается в истории в системе своих ценностей, запечатленная не только в материальных артефактах, но, что не менее важно, и в нематериальных формах.

Социальная практика свидетельствует, что наиболее эффективным образом манипулирование сознанием происходит путем воздействия на глубинные смыслы – архетипы сознания, составляющие содержание коллективного бессознательного. Это очень хорошо усвоили и эффективно используют маркетологи, политтехнологи, идеологи. Исследование мифопоэтики позволит понимать логику воздействия на сознание. Такого рода поэтика обретает прагматический характер посредством мифологии, как архетипичной попытки мироосмысления и миропостроения.

Поэтика в ее академическом и широком понимании рассматривается как раздел общей эстетики. Мы же понимаем под ней логику как эстетической, так и этической системы конкретной культуры, то есть наш подход осуществляет методологическое расширение очерченными рамками практической философии. В связи с этим можно говорить, что мы расширяем понятийное, проблемное и прикладное поле последней.

Собственно, под мифопоэтикой мы имеем в виду общепринятое в настоящее время значение этого термина – фундаментальную включенность мифа (мифологического сюжета, образа, мотива и т. д.) в текст произведения. Мифопоэтика в нашем исследовании будет выступать и как процесс исследования, и как логика генезиса и бытия изучаемой реальности как повседневности.

Выбранный теоретический инструментарий – мифопоэтика – неслучаен. Философское осмысление этического и эстетического в социальном мифе имеет вполне прагматическую цель. В частности, открывается возможность изучить механизм взаимодействия мифологии и идеологии. Анализируя его, применяя мифопоэтику к истории и современности как тексту, мы открываем не только исследовательские перспективы, но и возможность понимать конструирование

новых мифологем или модернизацию старых как ответы на актуальные вызовы истории эпохи постмодерна.

Итак, отталкиваясь от литературоведческих исследований мифопоэтики, переосмысливая их в расширительном методологическом ключе, мы выходим на «социологию мифа» (А. Ф. Лосев) и даже «политологию мифа», реализуя их прикладные возможности.

В литературоведении под мифопоэтикой понимается раздел поэтики, который изучает мифологические структуры произведения, оформление в нем той или иной мифологемы как универсального сюжета и/или образа. Собственно, сам термин «мифопоэтика» имеет сегодня двойное толкование. С одной стороны, это наименование объекта изучения: архетипическое и символическое в произведении и его составляющих: в композиции, сюжете, образах. С другой – это название метода литературоведческого анализа, который направлен на изучение этих составляющих элементов.

Мы будем придерживаться этого двойного толкования мифопоэтики и постараемся повысить ее статус до методологии исследования культуры и ее феноменов, до принципиального подхода в изучении целостной мифопоэтической модели картины мира. Очевидно, что при этом нам надо будет исследовать всю «элемент(ар)ную базу» культуры: архетипы, культурный код, символы культуры, мифы, мифологемы и др.

Взятые в отдельности они не в состоянии объяснить, как мифомышление формирует мифосознание, строит из них мифологическую картину мира, складывается в мировоззрение. А то, что оно в своем базисе мифологично, доказывает принципиальная неполнота любой формальной непротиворечивой системы согласно теореме Геделя о неполноте, методологический статус которой еще недооценен. То, что с точки зрения немифологического сознания различно, расчленено, подлежит сопоставлению, в мифе выступает как вариант (изоморф) единого события, персонажа или текста [7, с. 704]. Такой литературоведческий вывод носит методологический характер и может иметь широкое применение к культуре как тексту. Здесь отсылка к «семиосфере» Ю. М. Лотмана не будет излишней [8, с. 139].

Подчеркнем снова, что мы рассматриваем культуру как текст, то есть систему символических форм, отражающих мир в мифологии как целостной картине мира. «С точки зрения изучения культуры, существуют только те сообщения, которые являются текстами. Все прочие как бы не существуют и во внимание исследователем не принимаются. В этом смысле можно сказать, что культура есть совокупность текстов или сложно построенный текст» [9, с. 194]. Культура структурирует, вносит сознательную организацию в окружающий человека мир. Посредством символических форм культура фиксирует смыслы этого мира и его ценности, охватывает и схватывает семантическое поле, прежде всего, в мифологии. Так формируется текст культуры. Собственно, человеческая культура начинается именно тогда, когда появляется способность сознания к символизации, кодировке и декодировке в языке культуры, в ее текстах.

Изначально текст культуры мифологичен. Сейчас он более разнообразен, чем на заре развития человечества. Он может быть религиозным, художественным, научным. Но это не значит, что в современной культуре его мифологичность полностью исчезла. «Логос мифа, или осознание мифической действительности, есть мифология. Как бы ни относиться к мифологии, всякая критика ее есть всегда только проповедь иной, новой мифологии. Миф есть конкретнейшее и реальнейшее явление сущего, без всяких вычетов и оговорок, — когда оно предстает как живая действительность. ... Мифология — основа и опора всякого знания, и абстрактные науки только потому и могут существовать, что есть у них та полнокровная и реальная база, от которой они могут отвлекать те или другие абстрактные конструкции. ... Однако под мифом я понимаю не совсем то, что мыслится обычно под этим понятием. Обыкновенно полагают, что миф есть басня, вымысел, фантазия. Я понимаю этот термин как раз в противоположном смысле. Для меня миф — выражение наиболее цельное и формулировка наиболее разносторонняя — того мира, который открывается людям и культуре, исповедующим ту или иную мифологию. ... Словом, миф есть наиболее реальное и наиболее полное осознание действительности...» [10, с. 8]. Логика мифа отлична от практического опыта, прагматики. Для нее не существует грани естественного и сверхъестественного, объективного и субъективного. Причинно-следственные связи подменяются связями по аналогии, ассоциативными связями. «Динамическая структура мифа есть структура метаморфозы его образов и их движения по кривой смысла. Это и есть собственно Логика мифа. Диалектическая структура мифа есть структура его смысла. Миф многосмысленен. Раскрытие его многомыслия и обнаруживается как логика его смысла. ... Я разделяю положение, что та же разумная творческая сила — а имя ей Воображение, Имагинация, — которая создавала миф, действует в нас и по сей час, постоянно, особенно у поэта и философа, но в более прикрытом виде. Пока не угасло воображение, до тех пор есть, есть и есть логика чудесного. Вычеркнуть ее можно только с истиной» [10, с. 45]. Добавим, что отмеченная способность в той или иной степени присуща любому человеку, так как определяет его природную сущность. Безусловно, у поэта, философа и ученого она значительно более развита, чем у обычного человека. Но она также присуща и ученому, она проявляет себя даже в научных теориях, в их метафорах, аксиомах, гипотезах, интерпретациях теорий и их результатов [10, с. 10].

«Ремифологизация» в западной литературе и культуре делает чрезвычайно актуальной проблему мифа как в общем плане, так и в связи с поэтикой. Разумеется, необходимо соотнести классические формы мифа с породившей их исторической действительностью, и особенно мифологизмом XX в. с общественной ситуацией XX в., и обнаружить те различия между первобытным мифом и современным мифизированием, которые отсюда вытекают. Этого, однако, недостаточно, поскольку новейшие интерпретации мифа выдвигают на первый план миф (и ритуал) как некую емкую форму или структуру, которая способна воплотить наиболее фундаментальные черты человеческого мышления и социального поведения, а также художественной практики. Следовательно, необходим анализ структуры мифа. Поскольку началось своеобразное взаимодействие этнологии и

литературы, то следует углубить понимание мифа в рамках этого взаимодействия» [10, с. 28]. Е. М. Мелетинский не только подчеркнул важность проблемы и ее исторически обусловленный характер, но и указал путь, на котором нас могут ждать новые открытия.

Очевидно, что в XXI веке отмеченная проблема не только не потеряла своей актуальности, но в ней возникла практическая потребность. Она заключается в необходимости такой социальной теории, которая могла бы ответить на вполне прагматичные вопросы информационной борьбы, государственного идеологического строительства и крайне востребованного патриотического воспитания гражданина, как субъекта– члена группы социальной солидарности с единым образом прошлого, настоящего и будущего социального воображения. «Политическое мифотворчество – один из аспектов мифологического возрождения». Очевидно, что параметры такой теории должна предложить социальная философия.

Отмеченная ремифологизация, то есть возвращение к мифологии, осуществлялась в «философии жизни» Ницше и Бергсона, в «морфологии культуры» Шпенглера, в экзистенциализме Камю и Хайдеггера, в революционном мифотворчестве анархо-синдикализма Жоржа Сореля. Даже М. Элиаде в «Аспектах мифа» не удержался и предпринял попытку толковать, например, коммунизм К. Маркса как новый эсхатологический миф. Этот ряд можно продолжить. К отмеченному выше Е. М. Мелетинский добавляет «Мифологии» (1957) Р. Барта и «Мифологии нашего времени» (1965) А. Сиви. Первый объясняет, как миф превращает историю в идеологию, и считает, что современность мифологизирована. А. Сиви утверждает, что миф не исчезает при его разумной деконструкции, а снова и снова порождается социальной психологией. Очевидно, что отмеченные философы и их концепции существенно отличаются друг от друга. Однако они вполне определяют тенденцию ремифологизации и подтверждают тезис о мифизированности сознания современного человека и принципиальной неизлиминируемости этого его качества и способности. Отмеченное подтверждается не только в философских исследованиях, но и в литературе, в художественном творчестве целом. Осмелимся утверждать –и в современной науке. Но это утверждение требует отдельного своего обоснования. Однако начало уже положено попытками демаркации науки в философии К. Поппера и в «методологическом анархизме» П. Фейерабенда.

Сегодня мы можем констатировать, что взыскательные исследователи были правы в своих утверждениях. Более того, мы вступили в такой исторический период, когда социальные технологии оказались настолько продвинутыми, что мифотворчество в политическом процессе стало искусственно осуществляемой манипулятивной технологией, посредством которой создают дополненную реальность и внедряют в человеческое сознание соответствующие мифы. Используя эти технологии как часть агрессивной политехнологии, сменяются неудобные режимы. Многие государства оказались безоружными передвнешними угрозами. Они лишаются своих граждан в результате реформатирования сознания последних внешней «мягкой силой» механизмов новых социальных технологий. Сам

суверенитет таких государств подвергается серьезным испытаниям. Можно было бы не сокрушаться об этом, если бы при потере его не оказывалась бы под угрозой исчезновения сама культура, ее самобытность, цивилизационная уникальность.

Список литературы

1. Киященко Л. П. Мифопоэзис научного дискурса // *Философские науки*. – 07/2002.– № 4. – С.104–118. <https://iphras.ru/page47850562.htm>
2. Ставицкий А. В. *Онтология современного мифа*. /А. В. Ставицкий Севастополь, 2012. – 544 с.
3. Лосев А. Ф. *Диалектика мифа* /А. Ф. Лосев. *Философия. Мифология. Культура*. М., 1991.– 304 с.
4. Лотман Ю. М., Минц З. Г., Мелетинский Е. М. *Литература и мифы* / Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинский // *Мифы народов мира: Энциклопедия*. М., 1980. Т. 1. С. 200–226.
5. Лотман Ю. М. *Семиосфера* /Ю. М. Лотман. СПб., 2000. – 704 с.
6. Лотман Ю. М. *Избранные статьи в трех томах. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры*. / Ю. М. Лотман. Таллинн, 1992. –139с.
7. Лосев А. Ф. *Философия имени*. /А.Ф. Лосев. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1990.– С. 194–196.
8. Голосовкер Я. Э. *Логика мифа*. /Я. Э. Голосовкер. М.: Наука. 1987. – 218 с.
9. Петрунин Ю. Ю. *Lapis philosophorum, artificial intelligence и perpetuum mobile: эволюция взаимоотношений мифа и науки*. / Ю. Ю. Петрунин // *Вопросы философии*. – 2017. – № 3. – С. 42–51.
10. Мелетинский Е. М. *Поэтика мифа*. / Е. М. Мелетинский. М., 2006. – 331 с.

Gabrielyan O.A. Mythopoetics of Culture: to a Possible Research Methodology // *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology*. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 158-166.

The article develops a methodology for studying culture as a "text". In connection with this, a methodological expansion is undertaken – to use the mythopoetics to study the culture as a text. A number of hypotheses are advanced, the confirmation of which is determined by the effectiveness of the theory - it's explanatory, prognostic and applied capabilities. A mutually agreed conceptual apparatus is defined, with the definition of key concepts.

Key words: culture, text, myth, mythology, mythopoetics, mythopoiesis.

References

1. Kiyashenko L. P. Mifopoezis nauchnogo discursa [Mythopoiesis of scientific discourse]. *Filosofskie nauki*. 07/2002, № 4, pp. 104–118. Available: <https://iphras.ru/page47850562.htm>
2. Stavichtki A.V. *Ontologia sovremennogo mifa*. [The ontology of modern myth] Sevastopol, 2012. 544 p.
3. Losev A. F *Dialektika mifa* [Dialectics of myth] *Filosofia. Mifologia. Kultura*. Moscow, 1991. 304 p.
4. Lotman U. M., Mincht Z. G., Meletinski E. M. *Literatura I mifi* [Literature and myths]. *Mifi narodov mira: Enchticlopedia*. Moscow, 1980. Vol. 1. pp. 220–226.
5. Lotman U. M. *Semiosphera* [Universe of the mind] SPb., 2000. 704p.
6. Lotman U. M. *Izbrannye statii v trehtomah* [Selected articles in three volumes] Vol. 1. *Statii po semiotike i topologii kulturi*. Tallin, 1992. 139 p.
7. Losev A. F. *Filosofia imeni* [The philosophy of name] Moscow, Moskov-go Un-ta Publ., 1990. pp. 194–196.
8. Golosovker Y. E. *Logika mifa* [The logic of myth] Moscow, Nauka Publ., 1987. 218 p.
9. Petrunin Y. Y. *Lapis philosophorum, artificial intelligence и perpetuum mobile: evoluchtia vzaimootnosheniy mifa i nauki*. [Lapis philosophorum, artificial intelligence and perpetuum mobile: the evolution of the relationship between myth and science] *Voprosi filosofii*. 2017, no. 3, pp. 42–51.
10. Meletinski E. M. *Poetica mifa* [The poetics of myth] Moscow, 2006. 331 p.